

Ника Кочековская*

МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

МОСКВА, 23–25 СЕНТЯБРЯ 2019

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-199-213.

23–25 сентября 2019 года в Москве прошла международная конференция «Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени», организованная при участии Института всеобщей истории РАН, Итальянского института культуры в Москве, Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева, Департамента общей и прикладной филологии НИУ ВШЭ, Школы философии НИУ ВШЭ.

Конференция объединила крупнейших исследователей интеллектуального наследия Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини из Италии, Франции и России. Важной чертой общей проблематики и финального обсуждения стало совмещение фокуса интеллектуальной и политической истории XVI в. (реконструкции конкретных обстоятельств, повлиявших на тексты двух авторов) с фокусом истории исторической науки, что выводит конкретные аспекты творчества Макиавелли и Гвиччардини и последующей рецепции на актуальные проблемы методологии истории.

Вступительный доклад М. А. ЮСИМА показал, что именно на хронологическом стыке между Ренессансом и ранним Новым временем широко распространяется идея истории как полезного знания. Основу этой полезности устанавливали политический дискурс, определение

*Кочековская Ника Александровна, аспирант; Факультет гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), nika.ko4ekovskaya@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6808-0882.

**© Кочековская, Н. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

государства как центрального объекта историописания — того, что делает последнее не простым повествованием, но аналитической работой с теоретическими понятиями. Примером такого рода аналитичности, лежащей в основе историографической культуры раннего Нового времени и находящей исток в рецепции исторических сочинений Макиавелли, является, по мнению докладчика, логика поляризации, наличия неразрешимых противоречий между акторами, действия которых описывает и анализирует историческое сочинение. Эта логика оказывается сопоставимой, например, с марксистской логикой классово-борьбы. Таким образом, становится возможным говорить о неизменности логических оснований нововременного понимания историописания через несколько веков европейской интеллектуальной истории — сходстве ренессансного и нововременного исторического дискурса с современными рассуждениями о теории и методологии исторического знания.

Доклад М. С. БОБКОВОЙ опирался на понятие *историографическая революция*, под которым понималось прежде всего широкое распространение с середины XVI в. идеи истории как набора конкретных инструментов анализа и как особого метода познания. В качестве ключевых понятий, позволяющих говорить об историческом методе, докладчица указала идеи «человеческого общества» и «единства географического и социального факторов», что отсылает не только к широкому комплексу наук о человеке, обществе и культуре, имеющего в своей основе дискурс гражданских наук XVI–XVII вв., но и к историописанию, которое можно назвать не просто одной из них [наук], но системой знания, сыгравшей ключевую роль в формировании понятийного аппарата других наук. Опираясь на статистику выхода печатных книг по истории в первую очередь античных авторов, докладчица объяснила эту роль формированием к середине XVI в. обширного круга чтения исторических текстов, за которым логически последовало выведение общих методов работы с историческими фактами, обобщение взглядов на исторические закономерности. Было отмечено, что наиболее популярные, согласно этой статистике, Цицерон и Сенека были не просто авторами, важными для историографии, но и основными источниками аргументации в составлении речей, ораторском искусстве, судебной полемике, что добавляет к исторической также политическую науку, тесно сопряженную в XVI в. с политической и литературной практиками.

Эта сопряженность как черта дискурса историописания в Ренессансе и раннем Новом времени (а также как проблема для рассуждающего о ней исследователя) нашла выражение в представленном во второй

день конференции докладе П. Ю. УВАРОВА. Обращаясь к фигуре французского интеллектуала и юриста XVI в. Рауля Спифама, докладчик рассмотрел особенность работы последнего с историческим дискурсом — экстравагантное написание указов от имени короля Гериха II, при котором каждый из этих указов предварялся историческим примером. Хотя такого рода ссылки традиционно использовались в юридической практике и имели характер риторического этикета, демонстрации образованности, случай Спифама отличается от этой практики не-шаблонностью, не-общеизвестностью этих ссылок, глубоким погружением автора в исторический материал, а также их связью с историей Французского королевства. По мнению докладчика, эта особенность была обусловлена тем, что странный текст Спифама является вовсе не плодом его эксцентрического темперамента и возможного безумия, но свидетельством его реального участия в обсуждении «на высшем уровне» необходимости выделения государственных средств на сбор документов, создания национального архива и государственного историописания, основанного на нем. Исторические примеры Спифама, таким образом, должны были стать образцом применения истории в законодательной практике, демонстрацией полезности истории для государства.

Доклад П. Ю. Уварова вызвал дебаты о дискурсивной и хронологической «вилке» в историографической культуре Ренессанса и раннего Нового времени. В фокусе обсуждения оказался переход от исторической культуры как элемента риторики, использовавшей исторический дискурс в качестве источника примеров, что имело тесную связь с аристократическим «вольнодумством», формированием аристократией собственного политического дискурса (и исследовалось, в частности, на примере Англии накануне Гражданской войны такими авторами, как М. Пелтонен, П. Мак, К. Шарп, Кв. Скиннер), к исторической культуре как идее государственного архива. Среди сфер, позволяющих изучить этот переход, П. Ю. Уваров назвал книгопечатание. Резкий рост числа изданий и их доступности привел к идее «метода легкого познания истории» (Ж. Боден), к наполнению исторического дискурса инструментальным содержанием, что автономизировало историю и исторические казусы из области риторического аргумента в самостоятельную науку, в основе которой лежат источники и шире — архив.

Несколько докладов развили наметившуюся здесь проблему при помощи обращения к юридическому дискурсу как к пограничному с историческим в той практике интеллектуального письма, которую гражданские науки раннего Нового времени унаследовали от Ренессанса.

Так, именно юридический дискурс показывает особенность истории по Макиавелли и Гвиччардини как одновременно и «полезного знания», и того, чья польза обусловлена не научным методом, выведением теории и законов, а непосредственно современностью. В результате, по мнению Р. РУДЖЕРО, ренессансная историография носила откровенно презентистский характер, причем именно Гвиччардини (и его опирающееся на юридический опыт описание современности, недавнего прошлого как предмета исторического сочинения) выявляет этот аспект в текстах Макиавелли, совмещающих историю как анализ античных авторов («Рассуждение о первой декаде Тита Ливия») и как анализ непосредственных истоков текущего положения дел («История Флоренции»). Оба автора в таком сравнении объединяются пониманием истории как «мозаики», «игры в пазл», а также здравым смыслом как основой исторического и политического методов.

Этот вывод был развит в докладе П. КАРТА, который подчеркнул, что Макиавелли и Гвиччардини опирались на казуальность и конкретность как основу теории истории, так что — в отличие от позитивистского представления о научности как об отвлеченном принципе познания — история в работах этих авторов предстает основанной на эмпирике, личном опыте и автобиографии. В случае Гвиччардини из этого следует центральный вопрос изложенной им истории прихода к власти Медичи — вопрос о гражданине, понимаемом как частное лицо, потенциально способное стать государем. Юридическая практика как важная черта биографии Гвиччардини является фактором, в силу которого оказывается возможным констатировать, что он, как и Макиавелли, не пишет, а переписывает историю права исходя из сегодняшнего дня. Показательным в этом ключе является восприятие Макиавелли сочинения Тита Ливия, который рассматривал современное ему римское право как архаичное, нуждающееся в обновлении; в этом ключе Макиавелли не следует внутренней проблематичности и критике текста «Декад», выхватывает из него то, что оказывается уместным для непосредственной современности, которая выражается не просто в политике (предполагающей и практику, и обобщающие понятия, особенно в перспективе Нового времени, появления текстов Бодена и Гоббса), но в юридической конкретике как своем непосредственном, конструктивистском осуществлении. В контексте общей проблематики конференции необходимо отметить возникающую здесь проблему разрыва между «историографической

революцией», «методологией истории», идеями нации, государства и общества как чертами интеллектуальной культуры Нового времени и ренессансным пониманием истории как основы для юридической практики, как источника аргумента. Юридическая мысль XVI в. является, таким образом, важной областью интеллектуальной истории, позволяющей осмыслить эту проблему и особенности историописания в соотношении интеллектуальных культур Ренессанса и Нового времени.

Характерно при этом, что юридический дискурс как основа презентизма в ренессансном историописании находит выражение не только в биографическом ключе, но и в других коннотациях «практической полезности» истории. Так, доклад А. А. МАЙЗЛИШ был посвящен обращению Гвиччардини к фигуре Карла Смелого и борьбе за «бургундское наследство», когда — несмотря на отсутствие непосредственной связи описываемой и анализируемой Гвиччардини истории с его собственной биографией и конкретными государственно-юридическими практиками, составлявшими ее — в центре внимания оказывается проблематика децентрализации власти, олигархического устройства, политической самостоятельности аристократа, то есть вопрос о гражданине. В этом же ключе А. Гвиди рассмотрел проявление «историко-юридического» дискурса Макиавелли и Гвиччардини на примере папских союзов в ходе Итальянских войн, трактуя последние как «первый глобальный политический конфликт» в качестве фактора, придавшего конкретике юридического дискурса характер концепций (строящихся, в частности, на общей типологии различия права мира и права войны), сохраняющих при этом свою ситуативность, окказиональность.

Своеобразной переключкой исторических сочинений Макиавелли и Гвиччардини с юридическим контекстом становится жанр городской истории, в котором по-своему преломилась работа с документом, практические и историографические аспекты. В докладе А. А. АНИСИМОВОЙ рассматривалась городская история в Англии XVI–XVII вв. как источник политической идентичности, где налицо оказываются предпосылки для развития того же типа историописания, что и в итальянских городах, примером чего является «История Флоренции» Макиавелли. Однако, как свидетельствуют источники, английские историки получали заказ именно на историописание о государстве, о королевстве в целом, так что содержанием городской истории становилось, например, состязание в древности городской коммуны и городского собора, но не вопрос о самостоятельной политической субъектности. В дискуссии было отмечено, что фактором, повлиявшим на преуменьшение роли этой субъектности

в историописании английских городов по сравнению с историописанием в итальянских городах, могла стать принципиальное различие между итальянскими и английскими городами в хранении документов, в системе архивов: общецентрализованной, связанной с королевской властью — в Англии и привязанной к корпорациям, цехам (в первую очередь — юридическим, делопроизводственным) — в итальянских городах. В свою очередь, Э. КУТИНЕЛЛИ-РЕНДИНА посвящает доклад трансформации итальянской муниципальной хроники в проблематику исторического метода у Макиавелли и Гвиччардини, отмечая влияние на этот процесс событий современности, совмещения исторического материала хроник, отражающего политические действия в прошлом с насущным поиском двумя реформаторами исторического письма примеров и руководства к политическому действию.

Помимо постулирования теоретико-методологического значения юридической практики, в ходе конференции были высказаны гипотезы о возможности вывести из этой практики особый тип метафорики в исторических сочинениях Макиавелли и Гвиччардини, своеобразные «историографические модели», созданные ими. В докладе Т. А. ДМИТРИЕВА эта модель выступает в виде возникающей у Макиавелли магистральной коллизии знати и плебса, когда в общем комплексе текстов, а также в отдельных примерах из писем к Франческо Веттори эта коллизия выступает в двойной роли: главной причиной гибельных гражданских столкновений в современности, с одной стороны, и основой для гражданских добродетелей и политической свободы в Римской республике, с другой. Еще одна «историографическая модель» была предложена в докладе М. СИМОНЕТТА, в котором рассмотрены новые источники, относящиеся к переписке Макиавелли с Веттори (*The Phillips Collection*), в т. ч. позволяющие прочесть ряд зашифрованных посланий. Эти источники добавляют ясности в рассуждения Гвиччардини и Макиавелли о разграблении Рима в ходе Итальянских войн в мае 1527 года. В частности, они отражают резкое отличие реакции Макиавелли от преобладавшего во Флоренции ликования — спасения республики из-за ослабления Рима. Это позволяет рассматривать в качестве исторической метафорики Макиавелли образ Италии как совокупности городов с противоположными интересами, следующий отсюда трагизм и своеобразно понимаемую ответственность историка и политика — его скорбь и раскаяние как неизбежное следствие этих неразрешимых противоречий, перманентных эпизодов разрушения в итальянской истории.

Презентизм Макиавелли тем не менее был поставлен в проблематичное взаимодействие с дискурсом общности и «гибели Италии» в докладе Э. Фенци. Рассматривая противопоставление в текстах Макиавелли политики как повседневных действий и поисков более глубоких основ политики (в первую очередь — рассуждения о единой Италии и о понятии родины), докладчик обратил внимание на тексты Данте и Франческо Петрарки как на источники этого противоречия. Если в случае Данте оно воплощается в обращении к итальянскому языку и в рассуждении об общности, возникающей благодаря ему, то у Петрарки — в идее досуга, удаления от повседневной суеты к частной жизни и дружескому кругу. Таким образом, поэтика и литература Ренессанса рассматривается в ключе генеалогии логики единой Италии и «нации» у Макиавелли как противопоставление спокойствия и свободы частной жизни суете конкретных политических событий (в Италии XIV–XV вв., к тому же, выражающейся в гражданских конфликтах). Так, частная жизнь становится логическим аналогом понятия родины, отличая его от абстракции — совмещая в себе коннотации бегства-досуга и *communitas*-дружеского круга.

Интересно отметить связь такой интерпретации с рассуждением об утопии в гуманистическом дискурсе (представленным, например, Кв. Скиннером): если в случае Томаса Мора дружеский круг гуманистов и противопоставление *otium* и *negotium* (занятого учеными трудами деятельного досуга и отвлекающей от подлинной деятельности государственной службы) понимается как основа идеи идеального города (в частности, критиковавшейся за абстрактность тем же Макиавелли), то в представленном докладе та же логика оказывается основой для осмысления конкретного географического и исторического локуса. Положения доклада, таким образом, могут ставить вопрос о сопоставлении идеи единой Италии с цicerонианским топосом дружеского круга и места его уединения в стороне от повседневной активности, о возможности прочтения образа Италии через историю понятия *communitas*-узкого круга, а не *patria*. Намеченная в докладе «нижняя» граница Ренессанса как «историографической революции» (влияние Данте и Петрарки на Макиавелли) проблематизировалась и другими докладчиками, особенно значимым оказался вопрос о Ренессансе как о возникновении приватности и индивидуальности. Так, в центре внимания сразу трех докладов была проблема репрезентации правителя в качестве основы ренессансного исторического сочинения, возникновения в начале XVI в. — в отличие от средневекового истриописания — не только индивидуальных

черт, но и этических вопросов (Л. М. БРАГИНА, В. М. ВОЛОДАРСКИЙ, О. Ф. КУДРЯВЦЕВ).

Другая трактовка дискурсивной пограничности Ренессанса между интеллектуальными культурами Средних веков и Нового времени (а также переосмысление перехода первых во второе в контексте этой пограничности) была предложена в докладе А. В. МАРЕЯ. Рассматривая Макиавелли в общем контексте политического августинизма (хотя и отмечая малую вероятность непосредственного знакомства флорентийца с текстами Аврелия Августина), докладчик указал на идею большей заботы правителя о спасении подданных, чем души, как на ключ к 17-й главе «Государя», которая обосновывает необходимость антиморальных поступков правителя. Историческая перспектива этой идеи восходит к трактату Августина «О граде божьем», выдвигающему идею общей любви (*concordia*) к правителю как основу государства и его правильного устройства, соответствия божественным установлениям. Именно такая общность, неразделимость правителя и подданных становится в августинизме источником политического аргумента и невозможности судить действия правителя исходя из абстрактных принципов (антиморальность — спасение души), а не из идеи его имманентной любви к подданным, желания им блага. Концепция М. Вироли, оспаривающая устоявшееся жесткое противопоставление Макиавелли и христианского дискурса, основывающаяся на интересе флорентийца к возвышенности и воодушевлению как к средствам, помогающим правителю одерживать верх над фортуной, а также на других коннотациях проблематики любви как политического концепта у Августина — паре *cupiditas* и *caritas*, таким образом, получает дополнительные черты — опосредованного заимствования в «Государе» конкретной концепции Августина. Соответственно, включение Макиавелли в проблематику политической теологии, основанное в первую очередь на августинизме единства юридического, политического и теологического дискурсов, ставит под вопрос как переломность интеллектуальной культуры Ренессанса, так и понятие «историографической революции».

Проблематика политической теологии перемещает «светский», основанный на «возрождении» античных авторов исторический дискурс во второстепенное положение по отношению к юридической и политической (в специфическом — юридическом и теологическом, а не историческом, изводе) мысли. Продолжая говорить о проблематизации хронологии Средних веков, Ренессанса и Нового времени, стоит отметить, что в предложенном прочтении содержатся опорные точки

генеалогии европейской политической философии, а также роли в ней исторического дискурса и его соотношения с теологией — от концепта пасторской власти М. Фуко, обращавшегося к формированию современных институтов власти, к их дискурсивной природе, охарактеризовавшего последнюю в ключе антимаккиавеллизма второй половины XVI в., до предложенной А. Л. Юргановым в работе «Категории русской средневековой культуры» трактовки опричнины в Московском государстве XVI в. как рода политической теологии и восходящей к ней историософской программы, как реального, «политического», создания «божьего града», в котором полновластный государь оказывался посредником между подданными и богом и был в силу этого обязан, наказывая их в земной жизни и беря на себя грех осуществления этих наказаний, спасать их от куда более тяжелого наказания на Страшном суде.

Проблематичной оказывается также верхняя хронологическая граница: переход ренессансного историописания по Макиавелли и Гвиччардини в историописание раннего Нового времени, а также постепенное растворение в последнем «ренессансной» доминанты, возможность говорить о формировании нового канона авторов-методологов истории, об опосредовании, затухании и трансформации дискурса Макиавелли и Гвиччардини в течение XVI–XVIII вв. Первой констатацией этой проблематичности стал доклад А. Д. ЩЕГЛОВА, исследователя и переводчика «Шведской хроники» Олауса Петри, рассмотревшего возникающую здесь широкую хронологию истории идей и метода историописания в компаративном ключе. Полемизируя с концепцией О. Ферн, разделяющей Петри и Макиавелли, а также шире ренессансный дискурс, в силу влияния на автора «Шведской хроники» слишком отличного и зачастую прямо враждебного дискурса Реформации, докладчик указывает на присутствующую в сочинении Петри идею колеса фортуны, на его рассуждение о благородстве и на трактовку последнего в связи с добродетелями, а не с происхождением, а также на идею мира любой ценой, избегания войны как главной цели политика. Докладчик оставил открытым вопрос о непосредственном влиянии на эти мотивы у Петри конкретных ренессансных авторов, однако отметил среди возможных источников косвенное знакомство Петри с концепциями Джордано Бруно.

Еще более парадоксальным влияние историзма по Макиавелли выступило в докладе П. Ю. КНЯЗЕВА, посвященном рецепции (прямой и содержащей непосредственные цитаты) Макиавелли у Чарльза Дэвенанта, английского автора второй половины XVII – начала XVIII в., чьи

сочинения непосредственно связаны с контекстом Славной революции и последовавшей за ней денежной реформой. Последняя оказалась не только болезненным процессом, источником критики и недовольства, но и материалом, развившим теоретизацию экономической сферы, столкнувшим в этой теоретизации, в частности, макиавеллиевские топосы с новым дискурсом меркантилизма. В этом ключе сочинения Дэвенанта (ученика Уильяма Петти), с одной стороны, постулируют в качестве проблемы пагубное влияние на принятие государственных решений льстецов и предлагают решение в виде изучения государственного устройства, а с другой стороны, стремятся понять последнее как «политическую арифметику», положить в основу гражданской науки опору на числа. Таким образом, макиавеллистская логика «личностного», морального уровня политического, совмещаясь с экономической метафорикой, рассмотренной на примере Дэвенанта, фактически сталкивает ренессансный дискурс с дискурсом английского эмпиризма, вопросами этики, культуры и антропологии (Шефтсбери, Мандевиль, Бентам, Юм).

Возникающее здесь совмещение эмпиризма и антропологии как дискурсов, хотя и относящихся к контексту рационализма (а также близко подходящих к Просвещению), но занимающих по отношению к нему стороннее, даже маргинальное положение, подводит к вопросу о «риторической культуре» применительно к научному (в том числе историческому) дискурсу как к совмещению следующих из ренессансной интеллектуальной традиции презентизма и индивидуации с метафоризацией как методом познания, с идеей культуры и морали как основы опыта. Продолжением этой проблематики стал доклад П. В. СОКОЛОВА, поставивший вопрос о «дискурсивной формации макиавеллизма» и о возможности проследить как ее трансформации, так и общие места в течение XVI–XVIII вв. Наиболее удачным материалом для этой задачи становятся, по мнению докладчика, сочинения голландских авторов, поскольку они находились на стыке различных интеллектуальных традиций — английской, французской и немецкой — и испытали их перекрестные влияния. Наиболее распространенным общим местом макиавеллизма в нидерландском контексте оказывается логика «зеркала принца» как основа политического трактата, а также дискурс республики ученых — связи книжной образованности и рассуждения о политике, основанного на методе гражданских наук, с альтернативами существующему политическому порядку, с демократической риторикой. Параллельно возникает и критика макиавеллизма как основы для

«сикофантства»: если «Государь» часто парадоксальным образом связывается с республиканским дискурсом в силу аргумента о разоблачении в нем механизма, на котором строится тирания, то в нидерландской рецепции середины XVII в. дискурс макиавеллизма прямо сталкивается с идеей *arsana imperii* (тайны государственных дел) — идеей, что объяснять устройство государства не нужно. Топосы текстов Макиавелли, в частности, знаменитый образ лисы и льва, находят выражение в нидерландских мифико-сатирических книгах, приобретают, таким образом, сатирическую стилистику, хотя и сохраняют подоплеку политического метода.

В дискуссии по докладу обсуждалось, не может ли особенность нидерландской рецепции Макиавелли быть истолкована как серьезное изменение в дискурсивной формации, состоящее в замене риторической культуры исторических примеров и «книжного» рассуждения, основанного на них, своеобразным натурализмом нидерландского интеллектуализма (исследованного, например, С. Альперс), совмещением макиавеллизма и «зеркала принца» с медицинским дискурсом, с проблематикой Р. Бертона. Однако, по мнению докладчика, между риторическими и натуралистическими установками в политической науке раннего Нового времени нельзя провести жесткого разграничения: например, сопоставление словесного воздействия с механическим толчком, далее развиваемое в медицинский дискурс, содержится у автора середины XVII в. А. Веневельда, а сопоставление риторики с типами движений является топосом, который восходит к Аристотелю.

Те же тенденции были рассмотрены Ю. В. ИВАНОВОЙ в докладе о трансформации политических и исторических концепций Макиавелли у Джамбаттиста Вико. Отмечая неприятие Вико макиавеллиевской идеи обмана как основы политики, а также возникающие в литературе соотнесения его метода примирения противоречий с католической традицией, докладчица сопоставила трансформацию текстов Макиавелли у Вико с более широкой тенденцией интеллектуальной культуры середины XVI — середины XVII в. — протягивающимся от антимаккиавеллизма Джованни Ботеро постепенным переходом от презентификации и ситуативности в рассуждении об истории и в связи этого рассуждения с политической проблематикой к формированию понятия о сущности общества и человека, о возможности воздействовать на эту сущность. Несмотря на это различие, логикой, показывающей совмещение в историческом методе Вико влияния Макиавелли с интересом к антропологии, культуре, мифу

и воображению, становится особенностью научного метода барокко, противопоставляющего сущностное измерение всех этих категорий измерению метафорическому. В ключе последнего текст «Новой науки...» Вико работает как запуск нескольких линий повествования и обеспечение их корреляции, так что их прослеженное взаимодействие, раскрытие связывающей их метафорической «кристаллической решетки» и является содержанием познания. Концепция риторики модальности Н. Стрьювер позволяют сравнить «интертекстуальность» научного метода по Вико с методом Макиавелли, который, согласно Стрьювер, дает советы правителю не в модальности рекомендации, но в модальности перечисления опций, возможностей, которыми в принципе обладает правитель, а также условных ситуаций, логических экспериментов, на которых они и могут быть изучены, то есть сведены в общую «кристаллическую решетку». Вместе с тем докладчица обратила внимание на конкретный аспект текста Вико, показывающий не столько трансформацию, сколько преемственность по отношению к Макиавелли. Так, у последнего проблематичным оказывается само совмещение презентистского ракурса и борющегося с Фортуной политика — «радикального индивидуалиста» (как выразителя этого ракурса) с идеей метода, познания политики как коллективности, государства как общности, власти как рода сакральной силы. Ввиду этого перекликающимися с макиавеллиевским образом государя становятся образы патриция и ведьмы у Вико, которые обладают не просто властью, но и ее сакральным (ауспиции и колдовство) измерением, а также практикуют ее в экстремальной ситуации, постоянно рискуют ее потерять (зависимость патриция от исполняемых им ауспиций и шире от сословия патрициев; зависимость ведьмы от ритуалов как того, что обеспечивает ее союз со сверхъестественными силами). Все эти образы объединяются драматизмом, апокалиптичностью коллизии, в которой они находятся (обладание сакральной властью или гибель как цена ее потери), а также воображением, суггестией как источником и поддержания этой власти, и непосредственного обладания ей.

Затронутые в докладе понятия сакрального, суггестии и воображения в интеллектуальном дискурсе Ренессанса и Нового времени намечают рассмотрение исторического метода у Макиавелли не просто в контексте риторической культуры как идеи сопоставления примеров и развития их предельности в различных логических коллизиях и конфигурациях, но и в контексте литературы и поэтики. Последние при этом не просто

согласуются с презентизмом, но становятся основой для самого осмысления современности, для возможности не только непосредственно переживать ее, не отождествлять ее с конкретными практиками (например, юридическими), но перевести ее в измерение теории, интеллектуального письма. Таким образом, поэтика и литература становятся оптиками для интерпретации политических концепций Макиавелли и в этом качестве противопоставляются идее «историографической революции», истории как глубины, позволяющей выводить законы и принципы государства, общества и власти как сущностей.

В современных исследованиях эта тенденция часто выражается в расширении корпуса «теоретических» текстов Макиавелли на его поэзию, драматургию и частную переписку. В ходе конференции данная тенденция была представлена в докладе Г. ЛЕТТЬЕРИ, посвященном пьесе Макиавелли «Мандрагора» и реконструкции ее содержания как обращения к Папе, которое возникает из-за содержащихся в ней текстовых аллюзий на «Песнь песней». Так, эротический сюжет и мотив достижения счастья в сочетании с мотивом обмана, лежащим в основе этого достижения, трактуется как призыв Папы к политическому действию. Вместе с тем счастье Каллимаха (соблазнение) ведет и к счастью Лукреции (беременности), что в реконструируемом в докладе контексте репрезентирует двойную роль Папы: светскую и церковную. А также обман и «плутовской» мотив, отделенные от счастья Лукреции (уподобленного счастью невесты-церкви в «Песни песней»), преподносятся как политическая (обманная, «плутовская» в общей проблематике Макиавелли) роль Папы, ведущая к общему счастью. Возможность такой интерпретации «Мандрагоры» проливает новый свет на ренессансный политический язык и политическую философию, на совмещение с ними литературной формы, аллегоризации, эротики, мистических мотивов. Об этой особенности как о тенденции, а не ситуативном приеме Макиавелли говорят более известные параллели с «Песнью песней» у Бальтасаро Кастильоне и Пьетро Аретино.

Та же тенденция была рассмотрена в завершившем конференцию докладе Н. А. КОЧЕКОВСКОЙ, который ставил целью, сосредоточившись на современной теории истории, выявить проблемные точки в связи Макиавелли с исторической наукой Нового времени. Рассматривая подходы современных теоретиков истории Ф. Анкерсмита и Д. фон Вакано, докладчик сопоставил их концепции Ренессанса как политической культуры радикального индивидуализма и трагического разрыва индивида

и общества с современными исследованиями Ренессанса, проблематизирующими ту же особенность. По мнению докладчика, теоретический конструкт противопоставления Макиавелли нововременной науке и политике как эссенциалистским, стремление поставить Макиавелли не у истоков Нового времени, а — напротив — у истоков постмодерна, находит прямые аналогии с исследованиями ренессансной интеллектуальной культуры. В частности, понимание Макиавелли как теоретика эстетической политической репрезентации, противопоставленной миметической и сохраняющей неустранимый зазор между правителем и обществом, соотносится с исследованием драмы и сцены как области политического во Флоренции, превращения «Мандрагоры» Макиавелли в «эстетический политический урок» (С. Т. Килиан), а также «рассыпанности» ренессансной политической идентичности между заимствованными из истории «ролями» (Л. Джанара). При этом картина усложняется противопоставлением у Анкерсмита метафоры и парадокса, когда первая отождествляется не с «риторической культурой» или «риторикой модальности», но именно с нововременным эссенциализмом и возникновением «сущностей», тогда как ренессансный парадокс в очередной раз обращается к современности и настоящему, поскольку выявляет, что оно «страннее» любого языкового конструкта. Таким образом, политика и история по Макиавелли становятся литературными и поэтическими, создающими посредством этого искусственность, тексто- и «автороцентризм» категории «политического» как таковой. Докладчик отметил, что этот вывод становится более ярким в сопоставлении подхода Анкерсмита с концепцией фон Вакано, непосредственно связывающего «искусство власти» Макиавелли с Ницше (например, с опорой на поэму Макиавелли «Золотой осел» и на образ осла в «Так говорил Заратустра»), а также в сопоставлении с работами В. Кан, указывающей на отличие ренессансной политической культуры от реконструируемой в ней римской в силу искусственности и книжности, возникшей благодаря им идее «вкуса», которым обладает гуманист.

Все эти тенденции ставят вопрос об идее литературной искусственности, о поэтике, эстетике и филологии как об оптиках, позволяющих выявить понимание политики у Макиавелли. В дискуссии был отмечен радикализм рассмотренных теоретических интерпретаций и поставлен вопрос о целесообразности говорить о трагедии Ницше не применительно к античности, а также о возможности продолжить теоретическую трактовку Макиавелли, скорее, в ключе Х. Арндт. Было также указано, что ренессансная идея гармонии человека и природы подразумевает

естественность, а не искусственность, что эта мысль может быть проинтерпретирована через концепт диалогизма (Л. М. Баткин). Однако, по мнению докладчицы, согласившейся с радикализмом представленных трактовок, ценность последних состоит именно в идее искусственности, которая позволяет выхватить в качестве особого политического языка «книжность», осуществляемую Ренессансом реконструкцию из античности как данности, из непосредственной практики полуса и «активной жизни», равно как и из «недиалогичной», не предполагающей зазора идеи естественности и природности.

В заключительной общей дискуссии был поставлен вопрос о переводах Макиавелли как об общем факторе рецепции его текстов, а также отмечен значительный перевес фигуры Макиавелли над фигурой Гвиччардини как в представленных на конференции докладах, так и шире — в исследованиях истории исторической науки. Было также обращено внимание на важность истории юридической мысли для понимания специфической связки исторической и политической наук как у Макиавелли и Гвиччардини, так и в возникшей под их непосредственным влиянием интеллектуальной традиции. В связи с последним также было замечено, что главная составляющая принципиальной роли Макиавелли для представления об истории в Новое время состоит в его совмещении сфер истории и политики, который фактически стал мыслиться как метод познания истории и подвид научного метода именно под влиянием сочинений флорентийца.

Kochekovskaya, N. A. 2020. "Machiavelli i Gvichchardini: intellektual'naya istoriya kak teoriya istoricheskogo poznaniya [Machiavelli and Guicciardini: Intellectual History as Theory of Historical Knowledge]: Moskva, 23–25 sentyabrya 2019 [Moscow, September 23–25, 2019]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3), 199–213.

NIKA KOЧЕКОВСКАЯ

PHD STUDENT; NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW (RUSSIA);
ORCID: 0000-0002-6808-0882

MACHIAVELLI AND GUICCIARDINI: INTELLECTUAL HISTORY AS THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

MOSCOW, SEPTEMBER 23–25, 2019

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-199-213.